

**Росинская Светлана Владимировна,
заведующая библиотекой «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»**

Дмитрий Мамин - Сибиряк: Чужая семья - потемки
*Литературное расследование к 25.10.2012 - 160 - летию со дня рождения писателя,
100 - летию со дня его смерти*

В честь писателя Дмитрия Мамина-Сибиряка (1852-1912), автора романов *«Приваловские миллионы»*, *«Золото»*, всем известной детской книги *«Аленушкины сказки»*, названо несколько улиц, одна из них находится в Екатеринбурге - городе, где он жил и где сегодня существует его дом-музей.

В 1963 году имя Мамина получил Нижнетагильский драматический театр.

Писатель изображён на лицевой стороне купюры номиналом 20 уральских франков 1991 года выпуска.

Десять лет назад, в 2002 году, Союз писателей России и Ассоциация писателей Урала учредили Премию имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. Премия ежегодно вручается авторам, чьи работы так или иначе связаны с Уралом. Первое вручение премии прошло в ноябре 2002 на родине писателя, в посёлке Висим Свердловской области.

Эти факты известны многим.

Но почему Дмитрий Мамин, поступив в духовную семинарию, не доучившись, перешел в медико-хирургическую академию, а из нее - в университет? Почему он не закончил ни одного учебного заведения?

Как вообще получилось, что он стал писателем?

Какую роль сыграли в его жизни **Мария Морицовна Абрамова, Мария Якимовна Алексеева и Ольга Францевна Гувале?** Что это за рвущая душу история с Лизой, сестрой актрисы Марии Абрамовой? Сколько ей было лет, когда он увидел ее впервые? Пять? Шесть?

Что за история с Куприным, которого Лиза якобы увела из законной семьи? Зачем она прислала Мамину письмо со своей фотографией, на которой была запечатлена с младенцем на руках, одетым в кружевное платьице? Что на самом деле означали слова, написанные на оборотной стороне фото: *«Милому Дмитрию Наркисовичу на память от Лизы»*? Почему Д. Мамин - Сибиряк так и не ответил на это письмо?

Отчего он совсем не дорожил ни своим здоровьем, ни самой жизнью?

И почему судьбе было угодно вечно завязывать его личную жизнь таким тугим узлом, который никак не распутать?

Давайте вместе с читателями **Литературного клуба «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК** в преддверии 160-тилетнего юбилея Д. Мамина - Сибиряка попробуем в этом разобраться, проведя небольшое литературное расследование. Заодно познакомимся поближе с биографией забытого сегодня писателя.

Итак...

Побеги «в вокзал»

...Выйдя из парадного, Дмитрий Наркисович почти бегом пересек двор, но на улице пошел медленнее, тяжело приволакивая ногу: ревматизм одолевал его в эту осень, как никогда беспощадно. Идеально прямая, как все питерские улицы, Верейская стрелой тянулась к каналу.

Постоять бы сейчас на набережной, посмотреть на взбаламученную осенним ветром воду. Остудить досаду и гнев, клокотавшие внутри. Но усвоенная за последнее

время осторожность больного повела Мамина подальше от осенней сырости, к зданию недавно построенного Царкосельского вокзала.

Привычку коротать время семейных размолвок среди вокзальной сутолоки он приобрел давно, когда жил еще в Царском Селе. Иной раз мог день напролет просидеть в буфете на станции, попивая пиво и провожая взглядом поезда. И прибывающие к писателю визитеры, прежде чем идти на квартиру к Маминим, обязательно заходили в здание вокзала, чтобы узнать, не там ли хозяин.

Переехав в столицу, привычку убегать от жены **Ольги Францевны** «в вокзал» Мамин не оставил. Благо до Царкосельского рукой подать... Дмитрию Наркисовичу нравилось это просторное желтовато-серое здание, построенное по последнему слову новой архитектурной моды и железнодорожной техники: нравились кованые решетки, вечно полный снующих людей громадный вестибюль с парадной лестницей и витражами. Нравился и вокзальный ресторан.

Переменив скатерть, расторопный официант опустил перед Маминим пенящуюся янтарную кружку и запотевший графинчик. Как будто сам собою в ушах прозвучал голос жены: *«При твоём здоровье, Дмитрий, это самоубийство»*.

Ну, и плевать! В конце концов, жизнью, которую он ведет в последнее время, вряд ли стоит слишком дорожить. Бесконечная череда болезней, мучительное творческое бессилие, заставляющее часами оцепенело смотреть в окно кабинета, утомительная опека Ольги Францевны, под предлогом заботы контролирующей каждый его шаг...

Маруся и Лиза

Маруся...

Мария Морицовна Абрамова... Весть о том, что в новом сезоне примой городского драматического театра будет Мария Абрамова, облетела Екатеринбург летом 1890 года. Несмотря на молодость двадцатипятилетней актрисы, имя ее среди уральских театралов было известно, популярно и любимо. Казалось, сама судьба покровительствует этой яркой, немного взбалмошной, но бесконечно очаровательной женщине.

Ссора молоденькой своенравной гимназистки с деспотом отцом, державшим фотоателье в Перми... Побег из дома, неоконченные фельдшерские курсы в Казани и захолустная сцена какого-то летнего театра, в труппу которого красавица Маруся, носившая тогда еще девичью фамилию **Гейнрих**, поступила со страстной мечтой о творчестве... Скоропалительный и неудачный брак с актером Абрамовым...

В девяти случаях из десяти такие истории и на сцене, и в жизни заканчивались банально-трагическим финалом. Но Марии Морицовне повезло: у нее открылся талант. Настоящий, природный. За несколько лет она сделала себе в провинции имя, даже замахнулась было на Москву...

Правда, театр, организованный ею, после двух сезонов прогорел. Но в глазах презирающих столицу провинциалов этот факт только прибавил Абрамовой очарования. Земляки-уральцы встретили возвратившуюся к ним со столичного небосклона звезду восторженно. Уже к концу августа все лучшие места были распроданы.

Дмитрий Наркисович заочных восторгов не разделял, однако несколько похвальных рецензий в «Екатеринбургской неделе» его заинтриговали. Вечер как раз выдался свободным. Давали *«Нищих духом»* известного драматурга Николая Потехина.

- Абрамова... Мария Морицовна.

Черноглазая красавица протянула ему руку и раньше, чем Мамин успел приложиться к ней губами, неожиданно сильно пожала его ладонь. Смущенный Дмитрий Наркисович поспешно выпрямился и неловко стиснул ее пальцы.

Ничего из того, что он ожидал найти в гримерной премьерши, в маленькой уборной Абрамовой не было. Ни расставленных тут и там корзин с цветами, ни клубящихся

поклонников. Том Некрасова на туалетном столике. И маленькая девочка с косичкой, рассматривавшая на диване толстую книжку с картинками.

- Лизу я взяла к себе после смерти мамы. У отца и с десятью братьями забот хватает, - сказала Маруся, перехватив вопросительный взгляд Мамина. - Вот так и кочуем, - рассмеялась она, погладив сестренку по голове.

И по тому, как нежно девочка в ответ обняла ее, было ясно: сестры друг в друге души не чают.

- Что же до почитателей, то после спектакля я никого не принимаю - устаю.

- А для меня, стало быть, исключение сделали?

- Ну, еще бы! Владимир Галактионович мне столько говорил о вас...

Как оказалось, с **Владимиром Галактионовичем Короленко** Маруся познакомилась еще гимназисткой. Сосланный в Пермь писатель давал уроки в семье Гейнрих. Он был одним из первых, кто разглядел в Марусе актерский талант. И первым посоветовавшим ей прочесть очерки и рассказы Мамина-Сибиряка, начавшие в 80-е годы появляться в печати.

- Я стольким обязана Владимиру Галактионовичу... Вот теперь и знакомством с вами...

Прощаясь, Абрамова улыбнулась. И Мамину показалось, что ее пальцы, как и давеча, решительно сжавшие его руку, слегка дрогнули.

Возвращаясь в тот вечер из театра, Дмитрий Наркисович никак не мог избавиться от ощущения, что за полчаса, проведенных в гримерке Абрамовой, он успел рассказать Марии едва ли не всю свою жизнь. Будто значение и смысл каждого произнесенного слова во сто крат увеличивала некая неведомая сила, которой он никак не мог подобрать название. Казалось, теперь Мария Морицовна знает о нем все.

А то, о чем не знает, угадает...

О его родном уральском городке Висиме, краше которого нет на свете. О тяжелых годах учебы в Екатеринбургском духовном училище. О семье - матери и сестре с братьями, - после смерти отца оставшейся на его попечении. Об отвергнутой церковной карьере и безжалостно брошенной после четвертого курса Пермской семинарии. О голодной студенческой жизни в Петербурге, которую тоже пришлось прервать из-за нужды и болезни. О годах репортерства и репетиторства - так недоучившийся студент и начинающий литератор зарабатывал на жизнь.

О сотнях заказных конвертов, в которых он год за годом упрямо отсылал свои рукописи из Екатеринбурга в столичные журналы, о начатом романе - продолжении **«Приваловских миллионов»**, прославивших, наконец, имя Мамина-Сибиряка.

Лишь об одном он не хотел бы рассказывать Абрамовой: что официально числится холостяком, на самом деле уже много лет является человеком семейным. Не то чтобы он стремился скрыть этот факт от своей новой знакомой, да и что можно скрыть в Екатеринбурге?! Но в присутствии актрисы слова о жене не шли с языка. Злая ирония с первых минут почудилась Дмитрию Наркисовичу и в том, что обеих женщин - и ту, что сопровождала его по жизни уже многие годы, и ту, что только что вошла в нее, звали одинаково: Мария.

Как давно это было...

Приметная пара

Дмитрий Мамин и его гражданская жена **Мария Алексеева** были в те годы в Екатеринбурге парой приметной. В патриархальном уездном городе статус гражданской супруги был весьма сомнителен. Но то достоинство, с которым несла это звание **Мария Якимовна**, невольно внушало уважение даже самым непримиримым поборникам морали, Эту женщину екатеринбуржцы уважали.

С двадцатипятилетним Дмитрием Алексеева познакомилась в 1877 году в Нижней Салде, куда незадолго до этого семья Маминых перебралась к новому месту отцовской

службы. Туда же вскоре приехал и их оставивший учебу сын. Затянувшееся студенчество Мити, перешедшего из семинарии в медико-хирургическую академию, из нее - в университет, да так и не закончившего ни одного учебного заведения, начинало уже беспокоить родителей.

И едва поправив здоровье, вчерашний студент начал искать себе заработок. Доходов Наркиса Матвеевича, состоявшего священником при горном заводе, едва хватало на то, чтобы содержать младших детей, да и первенец **Николай**, страдавший запоями, был скорее обузой, чем помощником.

Новая любовь

Через знакомых принялись подыскивать для Мити учеников. Друживший с Наркисом Матвеевичем управляющий Нижнесалдинского завода **Константин Поленов** познакомил Дмитрия с Алексеевыми.

Глава семейства **Николай Иванович** - горный инженер, управляющий заводом в Верхней Садде, стажировался в Европе. Его жена - тридцатилетняя красавица с пепельными волосами и точеным лицом удивительно красивого овала. Выросшая в старообрядческой семье, каких среди уральцев добрая половина, **Мария** тем не менее получила образование вполне в европейском духе. Знала несколько языков, играла на рояле, недурно пела. В семье подрастали трое детей: дочка **Оленька** и два сына - **Володя** и **Саша**. Их репетитором и стал Дмитрий Мамин.

...К Рождеству 1890 года сомнений у Мамина не оставалось: он влюблен. Так сильно, как никогда еще не влюблялся. Влюблен в Марусю Абрамову. Каждый визит в театр, каждая прогулка с нею по заиндевавшему городу казались ему эпохой. И каждый прожитый с новой любовью день отодвигал все, что было «до Маруси», на сотни, тысячи лет назад. Так, что и не разглядеть...

Как это обычно бывает, окружающие уверились в его чувстве гораздо раньше его самого. Город гудел. На красавицу актрису заглядывались многие, в том числе и весьма заметные, влиятельные в Екатеринбурге люди. И ее выбор, неожиданно павший на Мамина, далеко не всем был по душе. О семье же Дмитрия Наркисовича нечего и говорить.

Мать, двенадцать лет не желавшая примириться с его невенчанным союзом с Марией Якимовной, теперь готова была день и ночь богу молиться, чтобы сын остался с Алексеевой. Сама Мария Якимовна, бледная до синевы, почти не выходила из своей комнаты.

Прислуга в доме говорила шепотом, как будто где-то рядом лежал покойник. А его нес прочь от всех шалый весенний поток, с которым уже не было сладу... Через декабрьские морозы, мимо пряничных деревьев, покрытых белой глазурью снега.

В январе он ушел из дома на Колобовской, еще недавно бывшего родным, и нанял крошечную отдельную квартиру на набережной.

Оправданий себе не искал. Да и зачем? Ведь, кроме поглотившей его целиком новой любви, оправдаться было решительно нечем. Алексеевой он был обязан всем: ради него она оставила мужа и общество. Годами, назло всем невзгодам, лелеяла в Дмитриии хрупкую веру в его литературный талант, правила вместе с ним рукописи, ездила в Москву и Петербург, чтобы там «пробивать» рассказы и повести Мамина в неприветливых провинциалах столичных журналах.

Он был бесконечно благодарен этой женщине и благоговел перед нею так же, как в день их первой встречи. И совершенно ясно понимал: ни его благодарность, ни благоговение не смогут заменить Марии Якимовне его любви, которой больше нет.

Вместе с Алексеевой уходило назад полжизни. Но ничто в этой уходящей половине не казалось ему больше важным. Ни симпатичный домик, который он купил на первый большой гонорар от опубликованных в журнале «Дело» «Приваловских миллионов», ни

еще недавно так занимавшие его планы по приобретению «Екатеринбургской недели», ни казавшиеся раньше такими интересными встречи в «маминском кружке», собиравшемся на Колобовской.

А из города надо было бежать. Газеты, еще недавно превозносившие Абрамову, теперь откровенно травили ее, и было ясно: скоро они доберутся и до него самого.

В марте 1891 года Мамин-Сибиряк вместе с Марией Морицовой и ее маленькой сестрой уехал в Петербург. В день отъезда подарил любимой кольцо с гравировкой: «*Навсегда твой, Дмитрий*». Он не догадывался, что это признание окажется пророческим: чувство к Абрамовой станет настоящим наваждением, которое будет преследовать его всю жизнь.

Мария Морицовна умерла 22 марта 1892 года, на следующий день после рождения дочери, так и не успев получить официальный развод от Абрамова и стать законной женой Мамина-Сибиряка.

Доктора ни за что не ручаются...

Александра Давыдова, по-матерински привязавшаяся к Мамину, кинулась на помощь осиротевшей семье и горячо рекомендовала Дмитрию Наркисовичу свою чудогувернантку: знающую, грамотную и толковую **Ольгу Гувале**.

Местом в доме Давыдовых Ольга Францевна гордилась. Покойный супруг Александры Аркадьевны много лет занимал пост директора Петербургской консерватории, семья была уважаемой, обеспеченной и образованной.

Дочери: старшая Лида, уже окончившая гимназию, и младшая, приемная, десятилетняя Маша, - умницы и красавицы. Дмитрий Наркисович был в доме Давыдовых завсегдаем. Александра Давыдова, как могла, привечала Мамина: талантливый и уже известный читающей публике писатель мог быть весьма полезен основанному ею журналу «Мир Божий». Просьбой хозяйки помочь писателю Ольга Францевна была весьма польщена.

Аленушку Мамину Ольга Францевна Гувале впервые увидела в 1892 году. Сморщенное красное младенческое личико едва выглядывало из пеленки. И трудно было поверить, что эта кроха когда-нибудь вырастет, станет взрослой... Глаза у Дмитрия Наркисовича, державшего девочку на руках, были страдальческие: «*Доктора ни за что не ручаются...*»

Едва переступив порог осиротевшего дома Маминых, она поняла: отца, столь самоотверженно привязанного к своему ребенку, ей еще видеть не доводилось. Дмитрия Наркисовича не раздражал ни плач дочери, ни ее капризы. Он мог часами рассказывать не желавшей засыпать девочке сказки, мог весь день носить капризничавшую Аленушку на руках.

Тем же летом Ольга Францевна вместе с Маминым и его малюткой-дочерью уехала на дачу в Павловск. Единственное, чего он пугался до оторопи, были ее болезни. А их оказалось великое множество. Жизнь в крошечной девочке едва теплилась. К традиционному набору детских хворей добавились какие-то нервические подергивания и легкий паралич. Доктора разводили руками. И вес же каждый прожитый Аленушкой день прибавлял надежды.

«*Улыбнулась... съела кашу до дна... встала на ножки...*» Ольга Францевна и сама не заметила, как на смену отстраненному профессионализму опытной бонны в ее душе поселилась привязанность. Сначала к самой Аленушке, росшей на ее руках, а вскоре и к ее отцу.

Рассчитывать на то, что Дмитрий когда-нибудь ответит ей чем-то большим, чем благодарностью, было самонадеянно. Ольга Францевна немолода и некрасива, а на Мамина, кареглазого, симпатичного, только что отметившего сорокалетний юбилей, вовсе заглядывались женщины.

Единственной надеждой Ольги Францевны была Аленушка. И надежду эту она растила и лелеяла, как могла.

С каждым днем в ней крепла уверенность в том, что для обожаемой дочери Мамин сделает все на свете. А заодно и в том, что рано или поздно Дмитрий забудет свою скончавшуюся возлюбленную, успокоится и счастливо заживет в том уютном доме, который создаст ему Ольга Гувале.

Даже люди, много лет знавшие ее, не догадывались, какая страстная мечта о собственном гнезде, семейном уюте живет в этой холодноватой, педантичной женщине, смолоду кочевавшей по чужим домам. И ради этой мечты, для осуществления которой как раз подвернулся случай, Ольга Францевна была готова на многое...

Когда Алена, пытаясь представить, как мама единственный раз в жизни держала ее на руках, она всякий раз ловила себя па том, что перед глазами всплывает лицо тети Оли, склонившейся над ее кроватью...

Алена знала, что отец до сих пор страстно влюблен в покойную маму: много раз она видела, как он украдкой целует ее портреты. Лиза однажды шепотом рассказала Алене, что в первые годы после смерти Марии Морицовны портреты ее стояли в доме повсюду: в гостиной, в кабинете, в столовой. Был даже один в полный рост.

Это продолжалось до той поры, пока Ольга Францевна, заявившая, что напоминание о смерти матери нервирует и без того болезненную Аленушку, не вытеснила весь этот «иконостас» в кабинет. Несколько портретов Лиза забрала себе, но хранила их под замком в плетеном берестяном коробе: мириться с ее «воспоминаниями» Ольга Францевна уж точно не стала бы.

После смерти Маруси Дмитрий Наркисович не стал отправлять маленькую Лизу обратно в Екатеринбург. Впрочем, многодетный **Мориц Гейнрих** не особенно на этом и настаивал: он сам тяжело хворал, семья едва сводила концы с концами. И Лиза осталась жить у Мамина.

Как и он сам, девочка страстно тосковала о Марусе и готова была часами вспоминать с Дмитрием Наркисовичем покойную. Одной Лизе он позволял протирать пыль с ее портретов. И Алена помнила, как недовольны были Лиза и отец, когда она, обмолвившись, назвала Ольгу Францевну мамой.

Вынужденная замена

Даже после того, как Гувале в 1900 году стала женой Дмитрия Наркисовича, ее по-прежнему именовали в доме «тетя Оля». Чаще всего так называл ее муж и в разговорах с друзьями. Будто он и сам, подобно Алене, стал ее воспитанником.

Как случилось, что именно Ольга Францевна стала осью, вокруг которой вращается его жизнь? Всю жизнь его любовь была вне закона: он жил невенчанным с чужими женами, много лет боролся за то, чтобы отвоевать у закона свою ненаглядную Алену, согласно бумагам бывшую дочерью актера Абрамова. И только для Ольги Гувале стал законным мужем, главой семьи. Семьи, которой и в помине нет...

Сколько Алена помнила, дверь в отцовский кабинет была для нее открыта днем и ночью. И где бы они ни жили, кабинет отца казался ей самой уютной и красивой комнатой в доме. Коллекции минералов, оленьи рога, ружье и ягдташ, висящие на стене, акварели с видами Урала, который представлялся ей настоящей сказочной страной...

И, конечно, портреты Марии Абрамовой, стоящие на письменном столе. Их отец был готов рассматривать с Аленой часами. Только по ним одним девочка и могла представить себе мать:

«Насильно мил не будешь...» Как будто вывернув наизнанку народную мудрость, он год за годом заставлял себя полюбить Ольгу Гувале. Но так и не смог почувствовать к ней ничего, кроме утомительной привязанности должника к своему кредитору. Хотя и

отказаться от столь необходимого ему кредита заботы, опеки, хлопот, который Ольга Францевна так соблазнительно легко выдавала, тоже не смог...

Как скала, непоколебимая в любых бурях, аккуратная, методичная, помнящая наизусть название всех Аленушкиных микстур и всех выписанных им газет, умеющая одинаково ровным голосом торговаться на рынке за каждую копейку и диктовать Алене упражнения, Ольга была тихой гаванью, в которой он прятался от собственных страхов.

«Она будет для Алены лучшей матерью», - как заклинание повторял Мамин друзьям, пытавшимся отговорить его от брака с Гувале. И не желал признаться, что это не Алене, а ему самому было мучительно страшно даже представить себе жизнь без «тети Оли». Такой скучной, такой нелюбимой и такой незаменимой...

Страх одиночества, горького сиротства, поселившийся в нем после сокрушительной в своей внезапности потери Маруси, был ужасен. Еще раз остаться в разоренном доме один на один с болезнями дочери и бытовыми неурядицами оказалось стареющему Мамину не по силам.

Связующая ниточка

К тому моменту, когда Ольга Францевна уже не прислугой, но хозяйкой стала жить в доме Мамина, Лизе исполнилось пятнадцать. Точеная фигурка, нежные глаза... С деланной озабоченностью супруга все чаще стала повторять, что скоро на пребывание молоденькой свояченицы в доме Дмитрия Наркисовича начнут смотреть косо.

Мамин только отмахивался, временами, впрочем, с недоумением обнаруживая, что Ольга будто и сама верит в придуманные ею же сплетни. Всякий раз после совместных походов с Лизой в цирк или посиделок в кабинете тетя Оля вставала наутро не в духе, сварливо выговаривала Лизе по пустякам.

«Почему, ну почему их маленькая семья никак не может обрести покой?»- думала Ольга Францевна. Разве она не отдавала всю себя Аленушке и Мите? Разве не служила им со всей самоотверженностью, на которую только способна?

Но Лиза... Любить эту девочку, ежедневно и ежечасно напоминавшую, что в жизни Дмитрия Наркисовича и его дочери она, Ольга, - лишь жалкая замена той, другой, утраченной навсегда... Это выше ее сил.

Отправить Лизу к Александре Аркадьевне, у которой девочка частенько гостила раньше, было невозможно: в 1902 году Давыдова умерла, а ее дочь **Маша** вышла замуж за **Александра Куприна**. Отец Лизы тоже давно умер, братья жили своей жизнью.

Да Дмитрий Наркисович и не желал ее никуда отправлять! Ольга может выдумывать все, что ей заблагорассудится, но Лиза ему все равно, что дочь! К тому же она единственная живая ниточка, связывающая его и Аленушку с такими дорогими воспоминаниями о Марусе. Вот только этого Ольге Францевне говорить как раз и не следовало...

Закончилось все тем, что в семнадцать лет девушка сама ушла из дому, поступив в общину сестер милосердия, а вскоре отправилась на русско-японскую войну.

Поначалу Мамин бушевал, пытался вернуть ее домой, уговаривал, упрашивал... Но Лиза со слезами попросила не вынуждать ее остаться. И Мамин отступился...

Увы, он и сам знал, что его дом давно ему не принадлежит. Единственной полновластной хозяйкой их крошечного домашнего мирка давно была «тетя Оля». Присылали ли ему почту или счета, собирался ли он сам выйти, или кто-нибудь приходил к нему - все подвергалось строгому контролю. Из скалы, за которой он малодушно спрятался когда-то от собственных страхов, выросал горный кряж, шаг за шагом отгораживавший его от мира.

Нельзя стало работать по ночам, потому что это вредно для нервов, и нельзя слишком часто гулять, потому что вредно для суставов. Ольга заботилась о нем, хлопотала, а он только хирел от этих забот, как залитый лишней водой саженец.

Имя Мамина все реже появлялось на страницах журналов, издательства, если и переиздавали, то только ранние рассказы и «Аленушкины сказки», благодаря которым новое поколение читателей считало Мамина-Сибиряка писателем исключительно детским. В литературном мире его как будто по-прежнему почитали, звали на юбилеи и собрания, но скорее по привычке.

А дома... Дома подчеркнуто скрупулезно выполняли все его прихоти, но никогда - его волю. Вежливо принимали визитеров, но не часто жаловали друзей. Да они и сами все реже приходили в этот всегда чинный, но безжизненный дом...

Пожалуй, только своей бывшей воспитаннице **Маше Давыдовой**, теперь по мужу **Куприной**, Ольга Францевна была всегда душевно рада. Унаследовавшая от покойной матери журнал, Маша по-прежнему уговаривала Мамина писать в «Мир Божий», для поправки здоровья приглашала его вместе с Ольгой Францевной и Аленой погостить в Балаклаву. Дмитрия Наркисовича трогало Машино внимание, да и с **Александром Ивановичем Куприным** он крепко подружился... Давняя связь двух семей не раз сводила с Куприными и Лизу.

Скандал в почтенном семействе

Что на самом деле произошло между Александром Ивановичем, Машей и Лизой, Мамин толком не знал. Но сердцем чувствовал: история о грязном и подлом Лизиним разврате, которую с таким воодушевлением рассказывала всем Ольга Францевна, ничем, кроме лжи, быть не может. Пошлой и подлой лжи, точно такой же, какой когда-то обливали их с Марусей...

И все-таки кошки на душе скребли. То ли зависть к Куприну, который в отличие от него самого решился поломать томивший его брак, то ли ревность к Лизе, которой он по-отцовски желал совсем другой судьбы...

Мамин и сам не знал, в чем причина того странного оцепенения, которое не дает ему вмешаться, заступиться, поддержать. Несколько раз он садился за письмо Лизе и всякий раз откладывал его. Лиза решила первой: когда у нее и Куприна родилась дочь, она не смогла не поделиться с Маминым своей радостью...

- Вот-с, как обычно, газеты... И конвертики...

Швейцар почтительно передал Ольге Францевне ворох почты. Зажав газеты под мышкой, она быстро перебирала письма. Последним был плотный коричневый конверт, надписанный мелким летящим почерком: «*Д.Н. Мамину-Сибиряку, лично*». Нахмурившись, Ольга Францевна резко надорвала его край.

- Нужно немедленно отправить ей это фото обратно! Без единого слова приписки! Слышишь, Дмитрий?! Без единого сочувственного слова!

Брезгливо бросив перед мужем вынутую из конверта фотографию, Ольга Францевна гневно тыкала в нее пальцем. Навалившись грудью на стол, Дмитрий Наркисович исподлобья посмотрел на жену:

- Если не ошибаюсь, письмо это адресовано лично мне. А раз так, то и решать, как с ним поступить, я буду лично...

Стараясь не давать воли закипавшему гневу, он произнес эти слова ровно, будто бы даже равнодушно. Но Ольгу Францевну лишь раздосадовал этот спокойный тон. На щеках ее огнем заалели пятна злого румянца, голос сорвался на визг:

- Отказать! Раз и навсегда отказать этой девице от дома - и самым решительным образом!

Вздохнув, Мамин рывком встал из-за стола, скомкав, бросил вынутую из-за ворота салфетку:

- Эта, как ты изволишь выразиться, «девица» - родная тетка моей дочери! И жена Александра Ивановича Куприна! Или ему ты тоже предлагаешь от дома

отказать? Мне помнится, сама ты охотно пользовалась гостеприимством этого человека.

- *Елизавета ему не жена, а сожительница! Разбившая чужую семью.*

Опозорившая дом, где она ничего, кроме добра, не видела! Какой пример для Алены?!

Голос Мамина-Сибиряка понизился почти до шепота:

- *А ты? Какой пример подаешь Алене ты, вскрывая чужие письма? Неужели не понимаешь, что это низко?*

Несколько секунд они в упор смотрели друг на друга. Первой не выдержала Ольга Францевна. Схватив со стола брошенную мужем салфетку, с рыданиями уткнулась в нее.

Беспомощно разведя руками, Дмитрий Наркисович сгреб со стола фотографию и конверт и почти выбежал из комнаты.

Сходство двух сестер на фотографии было лишь слегка уловимым, но и вместе с тем казалось почти мистическим. Будто они были двумя звездами, свет которых сливался в единый поток. На мгновение ему почудилось, что это не Лиза, а покойная Маруся, держа на руках дочь, смотрит на него с портрета.

Судорожно сглотнув, он почувствовал, как непрошенные рыдания сами собой подступают к горлу. Что ж, пронизательности у Ольги Францевны не отнять. У нее есть повод ненавидеть эту девушку. Стоит ему взглянуть на Лизу, как в душе пробуждаются воспоминания, с которыми он совладать не в силах и к которым Ольга никогда не перестанет его ревновать.

Проводив его взглядом, швейцар большого доходного дома на Верейской покачал головой. Как - будто почтенное семейство, квартиру занимают отличную, пятикомнатную, муж - писатель, книги выписывают ящиками... А что ни день - баталии... Говорят, жена мужа к какой-то там воспитаннице ревнует. Только никакой воспитанницы в их доме вроде нет... Впрочем, чужая семья - потемки.

Неотправленное письмо

- *Что же ты решил с письмом, Дмитрий?* - голос Ольги Францевны, разливавшей из самовара чай, звучал нарочито спокойно, но Алене, сидевшей напротив отца за круглым обеденным столом, показалось, что он, услышав его, поежился.

Он знал, что его страх уже давно принял за него решение. Вот только душа все никак не желала с этим решением примириться...

Медленно он обвел глазами комнату. Скатерть без единого пятнышка, шторы без единой складки, натертый до блеска паркет... Все это сделано для него Олей... А Лиза что же? «Отрезанный ломоть». Мысль о покойной Марусе он впервые в жизни гнал от себя прочь...

До поздней ночи Алена слышала, как отец, по-стариковски шаркая ночными туфлями, ходит по кабинету, шуршит какими-то бумагами... Шаги тети Оли прошелестели по коридору. Туда, потом обратно. «*Я не потерплю... Ты должен...*» Обрывки приглушенных голосов, как трусливые мыши, шмыгали в тиши квартиры. Как они будут без тети Оли? Алена и подумать об этом не могла. И знала: отцу тоже не найти ответа на этот вопрос... Потом все стихло.

Утром в прихожей на подносе, куда отец имел обыкновение складывать приготовленную к отправке корреспонденцию, она увидела лежащий адресом вниз одинокий конверт. Отправляясь на почту, Ольга Францевна поднесла его к лампе и близоруко прищурила глаз. Кроме прямоугольника фотокарточки там ничего не было.

До конца жизни Дмитрий Наркисович так никогда больше и не увиделся с девушкой, которую воспитал. С молчаливого согласия отца Алена несколько раз ездила в Гатчину, где поселились Куприны, - взглянуть на двоюродную сестренку. Но помирить Ольгу Францевну и Лизу ей так и не удалось - даже после того, как Лиза с Куприным обвенчались.

Здоровье Мамина-Сибиряка между тем стремительно сдавало, будто предательство, которое он совершил, разом лишило его последних жизненных сил. Летом 1911 года на даче в Павлове с ним случился удар, от которого писатель так и не оправился. В ноябре 1912 года, через несколько дней после своего шестидесятилетия, он умер.

Лишь после его смерти Ольга Францевна наконец примирилась с так и не изжитой в сердце Мамина любовью к Марии Абрамовой. Она выполнила последнюю волю мужа и похоронила Дмитрия Наркисовича на Волковом кладбище в Петербурге, подле ее могилы.

Спустя два года там же похоронили и Елену Дмитриевну Мамину, или как звали ее все в семье, Аленушку. Она умерла от скоротечной чахотки и перед смертью пожелала покоиться между отцом и матерью.

Дом в Екатеринбургe, оставленный ей отцом, Алена завещала городу. Теперь в нем музей писателя.

Библиография

Его произведения:

1. Мамин-Сибиряк Д.Н. Полн. собр. соч. в 20-ти т. - Екатеринбург, Банк культурной информации, 2002 - 2012.
2. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т.т. - М.: «Правда», 1958.
3. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 6 - ти т.т. - М.: Худ. Лит., 1980-81.

О нем:

1. **Варьяш Антонина.** Неотправленное письмо. Караван историй. - 2010.- № 6.- Стр.174-189.
2. **Дышаленкова Р.** Знаток уральского края. - Магнитогорск: Западно-Восточный Альянс, 2007. - С. 56-57.
3. Русские писатели и поэты: Краткий биографический словарь. - М., 2000.